— Король Эйгон умер в сто тридцать первом году, — нерешительно сообщила ему Алейна, заламывая свои бледные руки, но Эйемонд едва расслышал слова.

Мир замедлился, а окружающие звуки стали глухими и отдавались в воздухе густым, пустым звуком — он чувствовал себя так, как будто он тонул под водой. Алейна что-то сказала и потянулась к нему, ее голос эхом отдавался эхом, глухо звеня в его черепе, как колокола Великой Септы. Слова порхали в Эймонде, как ночные мотыльки; темный и мягкий, и несущий предательство.

«Король мертв », — сказал ему в бреду лесной рубильник.

Нет.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. НЕТ .

Кипящее беспокойство, булькавшее в животе Эймонда вот уже несколько дней, наконец вырвалось наружу и вырвалось наружу, пронзив его копьем нового ужаса и заставив содрогаться в его конечностях.

Был мимолетный, пылающий момент, когда время остановилось. По всей вероятности, это было просто сердце Эймонда Таргариена.

Внезапно звуки и чувства нахлынули на него, как лавина — в ушах застучала кровь, и ужас сжал сердце Эймонда в тиски. Затем сквозь этот туман прорвался импульс ярости, боли, сжигания . Ярость была знакомым, ужасным зверем, обитавшим внутри, запертым в клетке из его ребер, — она требовала крови, она требовала огня.

Ни того, ни другого.

Он сильно сжал челюсти; это заставило мышцу на его щеке время от времени подергиваться, моляры угрожали сломаться от напряжения. Ярость была щитом, а ярость — оружием, но он не хотел позволять им контролировать себя — Эйемонд боролся за самообладание и подавил свои темные желания. В их отсутствие на него нашло жуткое и мертвенное спокойствие. Это была фальшивая безмятежность, такая же опасная, как лед на льду на замерзшей реке, — идеальная и прохладная, противоречащая бурлящей свирепости под ледяной поверхностью.

Эймонд развернулся на каблуках к Алейне, позади него хлестала расплетающаяся коса. Он подумал об Эйгоне с цветущими яблонями в волосах; о Гелеане, ее теплых и сладких губах на его щеке; Даэрона и его кривую улыбку. Его руки начали трястись, и Эйемонд еще крепче сжал его предплечья за спиной и направился к Алейн, длинные ноги мгновенно пересекли расстояние. Она вскочила на ноги и двинулась к лошади, но Эймонд был быстрее.

Он был рядом с ней в мгновение ока, заполняя ее пространство, маневрируя, не касаясь ее. Алейна отступила назад и споткнулась, споткнувшись о собственные ноги и с дрожащим скрипом рухнув на высокий пень. Эймонд поставил одну ногу на землю, а другую поставил между ее раздвинутыми ногами, застегивая юбки; он вывернул колено наружу, когда наклонился вперед, согнувшись в талии — кожаные бриджи туго натянуты и мерцают на фоне горящего сбоку огня. Алейна выгнулась дугой назад и от него, пальцы впились в дерево под ней, и ее затылок ударился о грубую поверхность ствола дерева позади нее. Она смотрела на него широко раскрытыми и опасно синими глазами.

Эйемонд прижал ее к земле и навис над ней, словно огромная хищная птица — темная и угрожающая, с неестественно мягким выражением лица. Это была его обычная манерность;

хищный, зловеще интимный жест, который всегда вселял страх в сердца людей. Воздух между ними был заряжен и напряжен, и несколько мгновений он не говорил и не дышал.

— Это была шутка? — наконец спросил он обезоруживающе мягким голосом.

«Нет», — последовал ответ, скорее вздох, чем слово.

Эймонд склонил голову набок и задумчиво хмыкнул. — Мне говорили, что я скучная зануда без чувства юмора, понимаете, а то, что я действительно нахожу забавным, странно и своеобразно. Боюсь, я не в состоянии понять глубину и широту вашего блестящего ума. Его фиолетовый глаз был сфокусирован на ней и был ошеломляюще ярким — таким же ярким и опасным, как отражающийся в нем свет костра. «Не могли бы вы расшириться, ммм? Моя Леди Стоун?

— Милорд, — она облизнула губы — спелые, как малина с крапинками росы. "Пожалуйста."

«Пожалуйста, что? ”

— Я… я не понимаю, — сказала она, в ее чертах явно отразилось огорчение, но ее тон оставался ровным, даже если она не могла заставить себя говорить громче, чем приглушенный шепот. — Чего вы хотите… чего вы хотите от меня… милорд.

— Я хочу, чтобы ты сказал мне правду , — выдавил он.

— Я не… я бы не стал тебе лгать.

— Ты почти это сделал, — поправил он, и кожа заскрипела, когда его пальцы безжалостно впились в сухожилия предплечий — покалывание боли свело его на нет; усилил контроль над своей яростью. — Когда я спросил твое имя. Я бы не хотел, чтобы вы сейчас плели сказки.

— Обещаю, что не буду.

— В вашу честь? — фыркнул он.

Алейна посмотрела на него странно мрачно. «О моей жизни».

Рот Эймонда изогнулся вверх, а его глаза сузились в подражании чему-то, что можно было бы принять за теплые чувства, если бы не неутихающая, безграничная ярость, пылающая яростнее драконьего пламени в глубине его единственного фиолетового глаза. У него почти не было сомнений в том, что она могла различить существо гнева, которое пробудилось в нем — злобную, опасную вещь, которая тянула цепи его изнашивающегося самоконтроля, с пеной изо рта, чтобы вырваться и высвободить хаос. .

— Я спросил о нашем дорогом и милосердном монархе — короле Эйгоне. Он наклонился, и выбившаяся прядь его светлых волос задела ее щеку. «И все же я столкнулся с гнусной ложью и обманом».

— Я не лгала, — повторила Алейна гораздо тверже, упрямо сжав челюсть. — Похоже, милорд небрежно относится к своим историям.

«Грубое проявление высокомерия, но, пожалуйста, продолжайте назидать меня».

«Король Эйгон Таргариен был найден мертвым с кровью на губах в его носилках. Считается, что он был отравлен, хотя неизвестно, чья это была рука».

Эймонд, казалось, не дышал и не моргал — он смотрел ей в глаза в удушающей, ужасной, ненавистной тишине. Дрова в кострище трещали и трещали в щепки, а вдалеке кричала лиса.

— Что за подлость исходит из столь милых уст, — сказал он наконец почти с сожалением; тон настойчиво и неудобно тихий. Плавно Эйемонд вытащил из-за пояса кинжал и мастерски покрутил его в пальцах.

Просто стимул , сказал он себе. Угроза причинения вреда часто приносила больше пользы, чем само насилие.

Дыхание Алейны сбилось, когда ее взгляд остановился на движении, и он почти почувствовал, как кровь отчаянно хлещет по ее яремной вене — однако она продолжала настаивать. «Танец драконов завершился после его смерти, и трон унаследовал король Эйгон Несчастливый, третий его имя».

«Эйгон; Вопль Рейниры от Деймона? Не сама Рейнира?

«Королева полугодия уже была мертва к тому времени, когда умер последний из ее братьев и сестер».

Братья и сестры , это слово привлекло его внимание, как ржавый гвоздь зацепился за мирийское кружево.

— Что, — вздохнул Эйемонд, как перышко, — о королеве Хелене?

Алейна нахмурила темные брови, искреннее замешательство отразилось на ее изящных чертах. «Королева Хелена Таргариен покончила с собой за несколько лун до смерти своего мужа».

Тот оставшийся контроль Эймонда над злым монстром, обитавшим в его сердце, оборвался, как изношенная веревка. Он быстро покрутил кинжал на большом пальце, прежде чем рукоять фамильярно легла на его ладонь, и направил лезвие на нее, прижав заостренный край к белому столбу ее шеи.

— Мне взять твой лживый язык, моя Леди Стоун? Эймонед зашипел, ноздри раздулись, огонь отразился от кованой стали замка и в лихорадочном, широко распахнутом глазу — зрачок был черным уколом в темно-фиолетовом море, и было слишком много белого глазного яблока. — Мне отрезать его у стебля и засунуть в твою хорошенькую глотку?

— Вы меня не обидите, — с большой уверенностью заявила она, неожиданно осмелев.

«Ты предатель королевства…» Алейна заметно вздрогнула, случайно нарисовав каплю крови на своем клинке, но Эймонд был слишком поглощен своим гневом, чтобы заботиться об этом. Ненависть скривила его рот, болезненный, как язва на языке; и жгучая ярость собралась в глубине его горла, обжигая, царапая, разрывая его, как бешеный зверь. — …вы назвали своих короля и королеву мертвыми. Все из-за какой-то причудливой, непродуманной фантазии…

"Они мертвы!" — закричала она, вскинув руки и схватив его за плечи, потянув вниз — и Эйемонд вытянул левую руку, чтобы опереться о ствол дерева — ближе к ней, словно пытаясь заставить его понять ее силой воли. — Они мертвы сто семьдесят лет!

«Их не может быть!»

"Ты сумасшедший!" — пронзительно закричала она, сморщив лицо. "Безумный! Ненормальный!

Кого волнуют мертвые Таргариены?!

« ДА! — взревел Эйемонд и сорвал с себя повязку, бросив ее на землю позади себя. Свет огня поймал его сапфир, блестяще отразившись от граней драгоценного камня. Глаза Алейны округлились от шока; они были такими же голубыми, как залитое солнцем море, такими же голубыми, как чешуя Тессариона, и Эйемонд мог видеть в них свое дрожащее, обезумевшее отражение. « Я забочусь о них больше всего на свете! ”

Король мертв .

Ты нарушил свое обещание , как я и мечтал .

Король мертв .

Ты не вернешься , брат .

Король мертв .

Король мертв .

. _ Король . Есть . мертвый .

мертвый . мертвый . мертвый . мертвый .

Между ними повисла тяжелая, удушливая тишина — она растягивалась и зияла, когда минуты улетали, как песчинки.

— Вы не можете сказать мне, что моя семья мертва уже больше века, и ожидать, что я вам поверю, — прошептал Эйемонд дрожащим хрипом. Его внутренности корчились, как угри, и скручивались узлами. — Я отказываюсь тебе верить.

Мать , Эйгон , Хелаена , Даэрон . Он любил их. Он всегда любил их. Он никогда не мог желать их смерти — он не мог этого понять.

Алейна ничего не ответила. Она просто смотрела прямо в его покрытое шрамами лицо; румянец выступил на ее щеках, горящие голубые глаза впились в него — такие же острые, как кинжал, который Эйемонд неуклонно прижимал к ее тонкой шее. Они видели его насквозь, прямо в его преследуемое, плачущее сердце.

Прошло мгновение молчания, и когда оно достигло его, бледная рука Алейн на его изуродованной щеке была мягкой, как поцелуй, и нежной, как синяк — Эймонд застыл под нежным прикосновением.

— Мне жаль, что это происходит с тобой, — сказала она, и на ее лице отразилось странное понимание.

Изгиб его губ был усталым, изношенным. Эймонд чувствовал, как гнев вытекает, как крепкое вино из проколотой кожи, оставляя его холодным и пустым. Во рту у него пересохло и появился привкус крови; он разделил его, но печаль лишила его способности формировать слова. Его глаз горел .

Лицо Алейны Стоун было ясным и сияющим, как лунный свет на хрустальном пруду; и впервые с тех пор, как они встретились — прозрачной в своих чувствах и эмоциях. Он наблюдал за ней, имея смутное представление о том, что он должен наблюдать и впитывать — изучить образец

ее заботы и сделать его своим. Ибо если бы они не были сильными, изменчивыми страстями, он больше не мог бы различить свои собственные чувства за стоицизмом самодисциплины.

Ее лицо покраснело под его пристальным взглядом, и она опустила руку, ее ресницы затрепетали. "Ты мне не доверяешь."

— Нет, — сказал он наконец, разделив свои эмоции на части. Он все еще чувствовал ее прикосновение к своей плоти — оно обжигало его, зажигало места, где задержались ее пальцы. Ему стало не по себе в собственной шкуре. — У меня нет причин тебе доверять. Затем пришло осознание, и в его тоне появился черный юмор: «Более того, кажется, что недоверие взаимно, милая леди».

Мышцы живота Эймонда сжались. Он чувствовал, как острый кончик стального кинжала касается внутренней стороны верхней части бедра. Он приставил кинжал к пульсирующей точке на ее горле; в свою очередь, Алейна могла вскрыть его, от паха до пупка, и оставить его истекать кровью. Она, вероятно, убрала кинжал с его талии, и он не заметил, как она привлекла его ближе во время их спора — это была хитрая, ловкая тактика, и Эймонд был впечатлен. Она была сообразительна и стремилась выжить.

« Умная девушка », — подумал он, мгновенно вспыхнув от восторга, прежде чем несчастье его обстоятельств задушило его.

Взгляд Алейны опустился на пространство между их телами. Рукоять кинжала она держала в руке неуклюже и неумело, но у нее хватило хитрости и смелости выкрасть его и направить против него в первую очередь — уже одно это было достойно восхищения.

— Ты можешь винить меня? — пробормотала она на удивление робко.

Эймонд весело фыркнул. "Нисколько." Он покрутил кинжал в руке и одним плавным движением вложил его в ножны, прежде чем отступить на шаг. «Это был честный обмен целями: твое горло для моего члена».

Она сильно покраснела при этом; розовый румянец сползал с ее щек по всей длине шеи и опускался на вершины припухлости. Эмонд резко прервал эту линию расспросов и вместо этого снова перевел взгляд на ее лицо.

— Если бы ты боялся, ты бы зарезал меня.

— И растратить всю хорошую работу, которую я проделал, зашивая тебя? — ответила она, неуверенно улыбаясь.

— Нет, я полагаю, у нас не может быть этого, миледи, — протянул Эйемонд.

Ее пальцы сжались вокруг кинжала, и она медленно повернула оружие в руке, протягивая ему рукоять. Эйемонд с мычанием взял подношение и сунул его обратно в позолоченные ножны на поясе.

Алейна уставилась на свои колени, склонив голову и переплетая пальцы. Эйемонд смотрел на ее макушку, наблюдая, как тени вечера и свет огня окрашивали ее темные, как дуб, волосы в бронзу, как золотой свет мерцал на рыжеватых кудрях. Глубоко задумавшись, он положил одну руку на навершие Темной Сестры, а другой потянулся и начал массировать воспаленные мышцы шеи.

"Какой сейчас год?"

«Триста третий».

— Ах, черт , — простонал Эймонд. Злость вытекла из него, как яд, печаль погасла, как погасшее пламя, — он оцепенел и устал. Мешок кожи, обернутый вокруг холодных костей.

"Вы верите мне сейчас?"

«Я не хочу. Однако я не могу понять разумной причины для того, чтобы вы распространяли шутку до таких размеров. Таким образом, альтернатива, какой бы невозможной, какой бы невероятной она ни была, должна быть истиной».

Эймонд вздохнул и провел рукой по лицу, поняв, что у него нет повязки на глазу. Он почти не помнил, как выбросил его — он должен был все еще быть где-то на земле позади него, но Эймонд был слишком истощен, как физически, так и эмоционально, чтобы искать его. Он вытянул шею, хрустя суставами, и побрел к Алейне. Ее позвоночник вздрогнул от его движения, но она не стала возражать, когда он сел на землю у ее ног.

Пень был достаточно высоким, чтобы, когда Эйемонд наклонил к нему голову, его затылок упирался в край. Он вытянул свои длинные ноги и скрестил их в лодыжках, сложив руки на коленях. Его волосы касались ее колена, а икра упиралась в его левое плечо и бицепс — даже сквозь слои ткани Эйемонд чувствовал дразнящий жар, исходящий от ее тела. Как ни странно, это заземлило его; помогал ему держать голову ясной.

— Ты — Эйемонд Одноглазый, — сказала она чудесным образом, вглядываясь в его угловатую физиономию любопытными кошачьими глазами.

— Я всегда ненавидел этот эпитет, — горько рассмеялся он. «Люди могли выбрать миллион вещей, но они сосредоточились на обезображивании». Тем не менее, Эймонд Одноглазый был лучше, чем Эймонд Убийца Родичей, или Эймонд Проклятый, или Опустошитель Речных Земель, хотя и незначительно.

Столько имен , подумал он, и все ненавистные и чудовищные .

«Принц Таргариенов».

— Да, мы это установили.

« Мертвый принц Таргариенов», — подчеркнула она.

Эймонд поднял бровь и щелкнул языком. «Смерть не может убить то, что никогда не умирает».

Носик Алейны довольно очаровательно сморщился. «Я верю, что правильные слова таковы: то, что мертво, может никогда не умереть, но восстанет снова, тверже и сильнее».

«Ваша рабочая теория состоит в том, что меня воскресил Утонувший Бог?» Потому что Эймонд умер. Теперь он мог вспомнить это с абсолютной, жалкой ясностью. Деймон пронзил его сапфировым глазом с помощью Темной Сестры, а Эйемонд утонул вместе с павшим Вхагаром, ее кровь кипятила воды Ока Бога, а он был жив в своих стальных доспехах.

Это была мучительная, мучительная смерть.

Это того стоило — увидеть, как свет покидает глаза Деймона, когда Эйемонд воткнул кинжал

глубоко в живот дяди. Чтобы услышать его крики, когда он рухнул насмерть.

Эйемонд умер вместе со своим драконом — его самым дорогим другом, его родственной душой, второй половиной его души.

Демон умер в одиночестве.

Знание предлагало некоторую степень комфорта.

— Таргариены вообще верят в Утонувшего Бога? — спросила она, вопросительно наклонив голову.

«Моя мама говорила, что для каждого Таргариена есть бог. В конце концов, Старая Валирия исповедовала политеистическую религию с большим количеством богов, чем человек знает, что с ними делать, поэтому каждый из нас мог выбрать божество для поклонения, и у него все еще оставалось более чем достаточно. Великий Дом Дракона не особенно религиозен. Со времен Джейхейриса Примирителя Вера Семи стала более интегрированной в нашу семью, но большинство из нас придерживались Древних Богов с разной степенью религиозного рвения. Однако никто не был более привержен Старому Пути, чем Деймон. Мужчина любит… любил своих козлов, приносимых в жертву раз в два месяца».

Это вызвало у нее лучезарную улыбку в виде полумесяца — приятное зрелище.

"И себя?"

Эймонд закатил глаза, вспоминая, казалось бы, бесконечные часы стояния на коленях в септе. — Полагаю, я держу Семерку в первую очередь ради моей матери; и я молюсь и даю подношения Вхагар, богине войны и боевой стратегии. В конце концов, моя старушка названа в ее честь.

— Вагар Грозный?

Эймонд дважды воспринял ее слова. — Так ее теперь называют? он насмехался, оскорблял. «Она — Вхагар Зеленая Королева, Вагар Великолепный — самый старый, самый большой и лучший дракон во всем Вестеросе. Даже ее старость и боевые шрамы не могли омрачить ее красоты: ее блестящая чешуя цвета морской волны, в равных долях синего и зеленого, и полированные бронзовые перепонки крыльев; ее глаза ярко-изумрудно-зеленые, что соответствует цвету ее пламени. Вхагар — уникальный дракон. Называть ее ужасной — это… отвратительно и неуважительно.

Запрокинув голову, Эйемонд наблюдал за мириадами звезд, мерцающих над ними — разбросанных по чернильному бархату ночного неба и сияющих, как бриллианты. Наконец он спросил: «Она умерла, не так ли?» Алейна молча кивнула. «Я так и подозревал. Она не потерпит долгой разлуки со мной. Моя ревнивая, драгоценная, идеальная девочка». Он издал глухой смех с оттенком истерики. «Теперь это все кости и пепел. Мой дракон, моя семья — наше наследие».

Знание поселилось в нем, упав в живот, как свинцовый камень. Под хрупким ледяным слоем кожи Эйемонд превратился в существо из печали и пыли, грязи и горьких желаний. Там, где когда-то было его сердце, было пустое место — вырезанная кровавая дыра: глубокая и зияющая.

Его глаза мелькнули и поймали испытующий взгляд Алейны — в ее взгляде было что-то темное

и нежное — сострадание? жалость? — в любом случае, Эймонд не мог этого вынести. Он отвернулся и посмотрел на пламя.

Наступила тишина, только потрескивание огня в яме.

Ее рука зависла над ним. Эймонд чувствовал его тепло — фантомное прикосновение ее длинных пальцев, замерших над его ухом, ее парящий жар над холодным сапфиром в его глазнице. В конце концов, она отстранилась. Он не знал, чувствовал ли он облегчение или был ограблен.

— Прошу прощения, — сказал он низким голосом — приглушенным и хриплым. — Это было… — Негалантно? Недобрый? неприлично? Ни одно из слов, пришедших на ум, не передало масштаба его сожаления. — …неблагородно с моей стороны обратить свой гнев на вас.

"Я понимаю."

«Ваше понимание не оправдывает моего поведения».

— Тогда я прощаю.

— Твое прощение слишком быстро даровано.

Она издала крошечный тихий смешок. — Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Не знаю, — признался он.

— Тогда что ты хочешь делать?

Эймонд тоже не знал, что ответить на этот вопрос. Он ничего не знал. Он желал… чего- нибудь . Покаяние. Вознаграждение. Выкуп. Реставрация. Возвращаться.

Он ужасно умел выражать свои чувства — красноречие, которым он мог обладать, совершенно ускользало от него всякий раз, когда поднималась эта тема. Поддаваться легкому влиянию иррациональности непостоянных чувств означало плохое самоуправление. Он питал инстинктивное недоверие к эмоциям и половину времени не мог интеллектуально понять, что он чувствовал. Вместо этого, став старше, он научился хоронить их глубоко в своем сердце и отбрасывать их до тех пор, пока любая обида, обида или разочарование, которые он испытал, не исчезнут и не будут забыты — смыты песками времени.

В конце концов, все преходяще.

Его характер был аналитическим по своей сути — эмоционально отстраненным, откровенно и проницательно умным и сверхъестественно проницательным. Немногие вещи противостояли его воле и самоотверженности. Однако истинным интеллектом была способность приспосабливаться — это был слабый ум, который не мог принять перемен.

Но как приспособиться к концу света?

Как удалось преодолеть конец эпохи?

Эймонду хотелось домой; он мог пойти куда угодно, но дом был навсегда потерян для него. Он тосковал по тому, кем никогда не был, по тому, кого никогда не знал; тоска по месту, которого он не может достичь - его призрак не отпускал его.

Кроме… может быть…

«Что я хочу делать?» — повторил он, вставая на ноги. В нем расцвела горячая надежда. — Я хочу поехать в Харренхолл.

□□□

Им потребовалась большая часть ночи, чтобы дойти до Харренхолла.

Пятнистая серая лошадь, принадлежавшая покойному сиру Шадричу, была молодой кобылой, не старше четырех лет, в добром здравии. Однако она была недостаточно сильна, чтобы нести двух человек и все их имущество; таким образом, вместо этого Эйемонд предложил ее в качестве вьючной лошади, пока он и Алейн путешествовали пешком. Ее назвали Скайфолл, услужливо сообщила ему Алейна, из-за белой звездочки между глазами.

Скайфолл был нагружен четырьмя седельными сумками; мешок с доспехами Эймонда; еще три импровизированных мешка, сделанных из запасных плащей, оружия и доспехов, которые Эйемонд снял с разбойников; и, после короткого спора с Алейн, мешок с оружием и доспехами сира Шадрича. Алейн заявила, что они должны оставить сиру Шадриху хоть какое-то достоинство, но Эймонд возразил, что у них нет лопаты, чтобы выкопать человеку могилу, он не стал бы сжигать тело, опасаясь лесного пожара, и у них не было времени ждать человека часами. в любом случае превратиться в пепел. Более того, он не был склонен проявлять уважение к останкам того, кто похитил молодую девушку. Предоставить свое тело волкам — вот что заслужил фальшивый рыцарь.

Алейна бросила на него косой взгляд. — Со стороны принца королевства не подобает грабить мертвецов, — надменно фыркнула она.

«Князю королевства не подобает голодать », — возразил Эйемонд, цокнув языком и упаковывая последние, как он считал, «военные трофеи». «Хотя половина из них некачественная, другая половина — настоящая замковая сталь — у кузнеца за нее можно будет получить хорошую цену. Лучше ограбить покойника, чем украсть у живого».

Алейна явно придерживалась противоположных мнений относительно приличия и приличия, но воздерживалась от того, чтобы навязывать их ему. Она просто завернулась в старый плащ сира Шадриха, заявив, что ее собственный был разорван и испорчен преступниками, и если Эйемонд грабит мертвецов за деньги, она тоже может получить выгоду. Плащ был толстым и крепким, из тонкой темно-зеленой ткани, которая хорошо подходила к ее цвету лица, даже несмотря на то, что она была слишком высока для этой одежды.

Эймонду потребовалось больше часа, чтобы приготовить им обед из жареной конины — он вырезал самые нежные части и поджарил их на вертеле. Алейна с готовностью съела свою порцию, даже несмотря на то, что она выглядела так, словно впервые ела такое постное и жилистое мясо. Большая часть лошади будет истощена и, вероятно, съедена падальщиками, но Эйемонд посолил то мясо, которое смог сохранить, запеленав его в бумагу и ткань, и упаковал в кожаную сумку. После этого пара достаточно быстро сломала лагерь; потушить огонь и отправиться в путь, пока не наступила настоящая ночь.

Вскоре они шли через густой лес перед Скайфоллом, и только один факел освещал им путь. Они шли несколько часов, и Эймонд слышал, как за его спиной тяжело дышат штаны Алейны — вероятно, она не привыкла к длительным физическим нагрузкам, но все же последовала его примеру без единого звука жалобы.

Алейна сжала его руку в своей — или, может быть, наоборот. Ее пальцы были холодными, и он рассеянно потер их своими, чтобы согреть их. Ее присутствие странно вдохновляло, ее прикосновение одновременно успокаивало и успокаивало. Эймонд чувствовал ее дыхание на своем плече, и это утешало его — напоминало, что он не одинок в этой неестественной ситуации, в которую он не совсем уверен, что верит.

Коварная часть его все еще питала дикую, пагубную надежду, что Алейна Стоун сошла с ума и сыграла с ним жестокую шутку своими рассказами о смерти и воскресении.

Эйемонду хотелось вырвать это жалкое, истекающее кровью сердце и похоронить его.

— Ненадолго, — ободряюще прошептал он, наблюдая, как из-за верхушек деревьев показались высокие шпили чудовищного замка — пять искривленных пальцев из черного бесформенного камня, цепляющихся за небо. — Мы почти у цели.

— Что ты ищешь? — пробормотала Алейна, осторожно переступая через упавшее деревце.

Элис , подумал Эймонд, но вместо этого сказал: «Ответы, может быть. Харренхолл — старый замок, пропитанный магией.

«Магия? Какая магия? Харренхолл иссушил каждую руку, чтобы прикоснуться к ней. Это больное место. Проклят, говорят.

— Твой отец — лорд Харренхолла. Эймонд поднял бровь, оглядываясь на нее.

Алейна спокойно посмотрела на него. Ее лицо переливалось в лунном свете, поразительное и навязчивое в своей неподвижности, четко обрамленное темной пещерой капюшона ее плаща.

— Его назвали лордом Харренхолла. Отец ни ногой не ступал в замок и не собирается, — фыркнула она, опустив уголки рта, и приняла сварливый, презрительный тон. «Как он это описал? Ах, да: пещерные залы и разрушенные башни, призраки и сквозняки, губительные для жары, невозможные для гарнизона. Нет, Харренхолл сослужил ему свою службу.

Изнеможение, казалось, развязало ее язык и придало остроты остроумию. Она сдула прядь растрепанных волос и вытерла лоб тыльной стороной ладони, сделав недовольное лицо, когда оно блестело от пота. «Название его титульным лордом достаточно подняло социальное положение отца, чтобы жениться на покойной Лизе Аррен, овдовевшей леди-регентше долины Аррен».

— Похоже, он амбициозный человек, — пробормотал Эймонд. Он твердо поставил ноги на край берега и, крепко держа Алейну за руки, помог ей плавно перепрыгнуть через грязную канаву.

"Амбициозный?" Алейна усмехнулась, нахмурив брови. Она не убрала руки из его хватки, и Эймонд почувствовал, как дрожат ее тонкие пальцы. «Петир Бейлиш — это лицо жадности — он жадный, жадный человек. Жаждущий всего, во что, по его мнению, ему было отказано. Он захватывает вещи, которые не принадлежат…

Она оборвала себя и резко вздохнула. Затем Алейна подошла ближе, ее грудь почти соприкоснулась с его грудью, и внимательно посмотрела в фиолетовый глаз Эймонда. Румянец на ее щеках и влажные глаза, она выглядела полудикой, пылкой с непоколебимой убежденностью и безумным желанием запечатлеть на нем свои слова.

— Мой принц, — горячо прошептала она, и Эймонд вздрогнул. Он слышал это название всю

свою жизнь, но в устах Алейны оно не звучало ни банально, ни неприятно. — Мой принц, вы не знаете, что за человек мой отец, а я знаю. Я знаю его очень хорошо. Мизинец прежде всего торговец плотью, блудник. Вот как он нажил свое состояние: он владелец публичного дома, угождающий самым разным вкусам, предающийся всевозможным извращениям. Он продаст любую вещь, любую, если это означает, что он достигнет своей цели.

Эймонд нахмурился, услышав это зерно информации, поскольку его разум проследил логическую схему осуждения Алейны и постулировал весьма вероятное заключение о том, как она стала столь непреклонной в отношении глубины грехов своего отца. Это вызвало немедленное отвращение, но вскоре было омрачено вспышкой чужих эмоций. У Эймонда зубы сжались, а во рту остался тошнотворный острый привкус, похожий на вкус гниющей плоти. Это вызывало у него желание потянуться к Темной Сестре и причинить неприятность кому-то или чему-то.

Алейна упорствовала, не подозревая о его внутреннем конфликте. «Честолюбивый — слишком слабое слово для человека, который прополз от самого маленького из мелких лордов с несколькими каменистыми акрами и безымянной старой кремневой башней в качестве сиденья на самом маленьком из Пальцев — до лорда-протектора Гнезда и регента Вейл. Человек, который сделал свою внебрачную дочь сводной сестрой верховного лорда дома Арренов, а после смерти его жены - де-факто леди Гнезда.

Эймонду не привыкать к честолюбивым и жаждущим власти родственникам. — Ты ему не доверяешь.

Алейна посмотрела на их переплетенные руки, и Эймонд подумал, что она отпустит их, но вместо этого она крепко сжала его пальцы.

— Я люблю отца, — начала она неестественно. «Мать умерла, родив меня, и вверила меня Вере. После моего… расцвета… я решил, что не хочу быть септой, и написал ему. Отец только тогда узнал о моем существовании и справился с этим лучше большинства мужчин — он принял меня к себе, назвал своей дочерью и наследницей. Может быть, я и внебрачный ребенок, но я не сомневаюсь в его привязанностях.

"И все еще…?"

— И все же только дурак стал бы доверять Мизинцу.

-- И ты не дурак, -- предположил он.

— Я стараюсь не быть такой, — сказала она маленьким и сломленным голосом, грустным и далеким. «Хорошенькая дурочка с головой, наполненной песнями и глупыми мечтами, которые никогда не сбудутся».

Было время, когда он был одиноким, запуганным ребенком — до Вагара, задолго до вознесения его брата, — когда неполноценность была инстинктом, основополагающей верой; глубокое предположение, что его никогда не будет достаточно. Такие сомнения никогда не исчезали, по правде говоря, они задержались, как призраки, на задворках его разума, преследующие и жалкие. Эймонду стало интересно, кто заставил ее считать себя меньше, чем она есть на самом деле.

Ее признание сблизило ее с ним, и он хотел бы предложить хоть какое-то утешение. И все же он не знал, что делать. Хелена предпочла бы добрую улыбку; теплое объятие его матери — Алейна была подходящей компанией, да, но чужой, и он не позволял себе вольностей даже в

сочувствии. Таким образом, он отпустил одну из ее рук и отвернулся, чтобы поднять факел с того места, где он воткнул его в грязь.

Когда его глаза не смотрели на ее бледное лицо, он ловил себя на том, что говорит смелее, серьезнее. — Я думаю, что вы чрезвычайно умны, миледи, и, конечно, совсем не глупы. Увы… — он развел руками, преувеличенно пожав плечами, — откуда мне знать, я человек вне времени. Возможно, жители Вестероса продвинулись вперед за последние сто лет, а вы примечательны только по моим гротескно устаревшим меркам.

— Верно, — сказала она, слегка всхлипывая, прежде чем издать короткий, тихий смешок — голос задыхался и звенел, как серебряные колокольчики. «Я все время забываю, что нахожусь в компании мертвеца».

— Как легко меня забыть, — протянул Эйемонд, чувствуя тепло против себя, и потянул ее за другую руку, чтобы вести ее дальше, к надвигающейся тени массивного замка.

— Прошу прощения, мой принц, — сказала она с фальшивой торжественностью. — Пожалуйста, простите эту оплошность вашего покорнейшего слуги.

Эймонд издал низкий забавный стон. — Я попробую, только в этот раз…

— Вы столь же великодушны, сколь и милостивы, ваше светлое высочество.

— …однако ты должен вознаградить за свою небрежность, — с ухмылкой продолжил Эймонд. — Что ты сделаешь, чтобы исправить это пренебрежение, ммм?

— Я уверена, ты придумаешь что-нибудь подходящее, — ритмично ответила Алейна, в уголках ее глаз появились морщинки. В ней была какая-то заразительная легкость, яркость — казалось, она парит; сияющей и прекрасной, как рассвет.

Это зрелище согрело что-то в его животе, и Эймонд отразил ее улыбку.

Красивая и храбрая , и незаконнорождённая...

http://tl.rulate.ru/book/82378/2646231